

Кристина
Додд

ВЕРОНСКАЯ
НАСМЕШНИЦА

Кристина Додд
Веронская насмешница
Серия «Дочь четы Монтечки», книга 2
Серия «Иностранка.
Преступление века!»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73902552

Веронская насмешница: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-32732-0

Аннотация

Восхитительно дерзкая дочь прославленных Ромео и Джульетты снова берется за расследование в прекрасной Вероне!

«Увы, я, Роза, нынче не легкокрылая яркая бабочка, а несчастная букашка, влетевшая в лоб лошади на полном скаку: князь Вероны Эскал обманом завлек меня под венец... Хотя сердце мое принадлежит другому! Но явившийся мне призрак коварно убитого отца Эскала обещает соединить меня с моим единственным возлюбленным, если я отыщу его убийцу».

В этом остроумном детективе итальянский Ренессанс искусно сплетен с любовной драмой и захватывающим сюжетом, отсылающим читателя к прославленному «Гамлету».

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	42
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кристина Додд

Веронская насмешница

*Посвящается Скотту,
который терпеливо смотрел со мной
бесконечные пьесы Шекспира, документальные
фильмы о Шекспире, выступления препарирующих
творчество Шекспира артистов и ученых, а также
бесчисленные постановки
«Ромео и Джульетты», старые и новые.*

Благодаря ему я знаю, что эта переработанная, жизнерадостная и полная надежд версия истории Ромео и Джульетты не только возможна, но и олицетворяет Истинную Любовь.

Christina Dodd

THUS WITH A KISS I DIE

Copyright © Christina Dodd, 2025

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency* за содействие в

приобретении прав.

© Ольга Кидвати, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Издательство Иностранка®

Глава 1

В славной Вероне, где начитается наш рассказ

Скажите, вы – романтик? Вы уже нашли свою единственную и неповторимую Любовь? Вы можете представить себе, как будете жить долго и счастливо, когда заключите объект своей страсти в пламенные объятия?

Ну и флаг вам в руки.

Вот и я, самая благоразумная женщина на свете, пала жертвой настоящей любви, и в мою грудь впились ее цепкие пальцы... А потом, когда я уже праздновала победу и поздравляла себя за проявленную находчивость и ум, в залитой светом факелов ночи я пережила самое страшное в мире унижение... Меня обвели вокруг пальца, как последнюю дурочку, – в такой момент любой всерьез призадумается.

Но только не я. Нет. В ту ночь я не могла думать, но настолько разозлилась, что изрыгала пламя, способное вытопить жир из самого Древнего Змия! Даже сейчас, пребывая в печали, я не в силах успокоиться.

На следующее утро после ночи позора я сбежала в сад при доме Монтеки, чтобы избежать заинтересованных взглядов, которые преследовали меня повсюду. На меня смотрели родители, братья и сестры, псы, кошки, мыши...

Ладно, мыши, наверное, и ни при чем, но только потому, что кошки в последнее время очень растолстели, а мышинное

население сильно поредело.

Наш сад располагается за домом, который оборачивается вокруг него, образуя атриум – что типично для Вероны. Сад просторный, на его территории есть лабиринт, фонтан со статуей развеселого писающего мальчика, посыпанные песком дорожки и густые живые изгороди вдоль очень высокой задней стены. Ее главная функция – защита, недаром Верона испокон веков и по сей день остается городом-государством, который воюет с другими городами-государствами; все его высокородные семьи борются за положение в обществе. Еще тут есть маленькие укромные уголки, будто созданные для тайных свиданий, если вас интересуют такие вещи. Сама-то я до прошлой ночи была от них бесконечно далека, а вот поглядите, как все обернулось. Можно подумать, у женщины, всего несколько месяцев назад в одиночку выследившей и обезвредившей первую в Вероне серийную убийцу, должно бы хватить сообразительности не попадать в подобную переделку, но нет.

Прежде чем мы продолжим и мое раздражение станет еще сильнее, мне следует представиться.

Я – дочь Ромео и Джульетты.

Да-да, тех самых Ромео и Джульетты. Цитируя мудреца будущего, должна сказать, что слухи об их смерти были сильно преувеличены. Все остальное, по сути, правда: яд, потом снова яд, грудь, самолично пронзенная собственным кинжалом, и прочая театральщина – все эти захватывающие собы-

тия вновь и вновь пережевывались на бесчисленных празднествах Монтекки и Капулетти.

В результате от нашей семьи за версту несло мелодрамой, как от барсука – мускусом. Но в отличие от не интересного никому барсука, монологи, обличительные тирады и пафос нашего семейства вот уж больше двадцати лет будоражат всю Верону.

Мне известно это совершенно точно. Не считая первых девяти месяцев, я все время находилась в центре бурлящих страстей, против своей воли, конечно. Я – старшая из детей, и за двадцать лет жизни привыкла избегать типичных для моей семьи ссор, стенаний, безумия страсти и предложений замужества. Мое имя – Роза (сокращение от Розалина). Меня нарекли так в честь бывшей подружки отца, который восхищался ее непорочностью и желал видеть то же качество в своей новорожденной дочери. Мама не раз говорила, что мое имя несет на себе проклятие вечного девичества. Хотя, должна сказать, такой подход слишком уж формальный, на самом-то деле никто меня не проклинал. Я сама цеплялась за свое девичество, проворачивая для этой цели махинации, которые бы вызвали восхищение самого прожженного из наших политиканов.

До сих пор не могу поверить, что я... и князь Вероны... почти...

Так, глубокий вдох, и вернемся к фактам.

У меня пять младших сестер и братишка, а мама опять

в положении. При таких до одури романтических и, надо заметить, плодовых родителях кому-то приходится демонстрировать практичность и хозяйскую смекалку. Мне хотелось бы, как прежде, претендовать на звание главного прагматика семьи, но... смотрите строки выше.

«Помолвлена не с тем мужчиной». Как звучит! Я могла бы написать драму с таким названием. Или лучше комедию. Кто-то точно посмеялся бы.

Я, Розы Монтеки, которая успешно устроила браки всех, кого родители прочили мне в мужа, причем двоих женила на моих младших сестрах...

И вот теперь, пока я полулежу на скамейке и тарашусь в бессердечно веселенькую голубизну неба, до меня вдруг доносится хруст гравия на дорожке.

Кто-то приближается к моему укромному уголку.

Неужели нельзя оставить меня в покое и дать спокойно поразмыслить?

Похоже, нельзя, потому что шаги замирают. Краешком глаза я вижу фигуру мужчины. Хвала небесам, это не князь Эскал, а какой-то молодой блондинчик.

– С чем бы вы ни явились, мне это неинтересно.

Будучи самой старшей сестрой, я наловчилась, когда надо, говорить уничижительным тоном, но этот парень намека не понял.

Я медленно поворачиваю голову, и...

– Лисандр! – Меня подбрасывает на скамейке.

Да, это он. Мой единственный и неповторимый.

Я изо всех сил надеялась, что этот миг не настанет, скажем так, никогда.

Лисандр, как обычно, великолепен, сияет как солнце. Его прямые длинные светло-русые волосы отливают золотом, у него чистая кожа без оспин. Но сегодня полные мягкие губы не улыбаются, как прежде, когда его душа расцветала от одного взгляда в мою сторону, а большие серые глаза смотрят изучающе, будто видят на мне отметину греха.

Вероятно, флюиды осуждения, исходившие от того, кто прежде взирал на меня с благоговением, нежностью и любовью, стали причиной моего неподобающе шутливого замечания:

– Почему ты опоздал?

Он не засмеялся, и моя улыбка увяла.

– Вчера вечером ты должен был прийти сюда, нет? Нянюшка известила бы о нашем свидании синьора Ромео, который застукал бы нас в объятиях друг друга и заставил пожениться. И все сработало идеально, если не считать... где тебя носило?! – Мой вскрик был полон муки.

Лисандр понял это, и выражение его лица смягчилось. Он уселся рядом со мной, утешающей рукой обнял за плечи. Кстати, в физическом смысле мы никогда прежде не были так близки.

– Меня задержали.

– Как?

– По дороге сюда: на улице прямо передо мной завязалась потасовка. Сперва трое мужчин, потом четверо, потом пятеро орали и мутузили друг дружку. Потом еще драчуны подтянулись. Я пытался пройти сквозь это месиво, я жаждал добраться до тебя, воплотить наш хитрый план, чтобы обеспечить нам помолвку и счастье в будущем.

Слезы наполнили мои глаза и потекли по щекам.

– Потом явились люди князя, разняли забияк и уволокли в темницу.

Я кивнула. Именно это я и подозревала.

– Ты тоже угодил в ловушку князя Эскала.

– Тогда я этого не знал и стал выкрикивать свое имя, чтобы привлечь внимание людей князя, и наконец мне это удалось. Меня отпустили, я помчался в дом Монтекки, с опозданием, но не теряя надежды, а потом до моего слуха донеслось такое, что я не поверил своим ушам... – он прервался и не смог произнести роковые слова.

– Ты услышал новость о моей помолвке с князем Эскалом.

– Это я узнал утром. – Лисандр убрал руку с моих плеч. – А ночью меня встретили бурное мужское веселье и смех...

– Веселье? – Какой же швалью оказались гости моего отца! Моя жизнь пошла прахом, а они, значит, смеялись?

– ...И новость о том, что пресловутою девственницу синьорину Розалину обесчестил князь Эскал.

– Ничего подобного не случилось! Было темно. Я не знала, что это князь Эскал. Он поцеловал меня, и ты знаешь, что

это означает. – А означало это, что общество несправедливо судит о женщинах.

Однако Лисандр смотрел на вещи иначе.

– Это означает, что ты обещана.

– Ничего не было, кроме нескольких поцелуев. – Умелых поцелуев, поцелуев мастера своего дела, но я не видела причин привлекать к этому факту внимание Лисандра. Он и без того, кажется, чересчур распалился.

– Мой отец оказался свидетелем этой сцены. Он был среди тех, кто держал факелы. Он сказал, что ты лежала на скамейке на спине... – Лисандр вдруг вскочил, как будто не мог больше сидеть рядом со мной, – а по твоим словам вышло, что тебя вовсе не шокировало, что рука князя Эскала лежала на твоей голой ляжке.

– Я думала, что это ты!

– Разве я бы позволил себе схватить тебя за голую ляжку? – Лисандр отступил от меня подальше.

– Нет же! Нет. – Я потеряла контроль над разговором. – Я думала, что мужчина, который меня целует, – ты, как мы и планировали. Ты же помнишь наш план?

– Меня задержали, и поэтому ты стала целоваться с князем? Нашла замену?

– Говорю же, я думала, что это ты! – в отчаянии повторила я. Лисандр уставился на меня так, словно хотел придушить. – Ведь мы с тобой никогда не обменивались страстными поцелуями, чтобы скрепить нашу любовь. Откуда мне

было знать, чем прикосновение твоих губ отличается от губ князя?

Глава 2

Как по мне, это было логично.

Но, похоже, Лисандру все виделось в ином свете. Подскокив, он выпалил:

– У тебя целый трактат о поцелуях вышел! – И бросился прочь, оставив меня почти в том же состоянии, что и до его появления, только еще более несчастной и сбитой с толку.

Я обхватила голову руками, издала стон, а потом подскокила, услышав позади глухой стук.

Моя младшая сестра София ненавидела вышивать, тихо говорить и сидеть, сведя коленки. Она любила взбираться на деревья, шуметь и копать в грязи. Сейчас она как раз спрыгнула с дерева, которое росло неподалеку от моего убежища, и стояла, в недоумении глядя на меня.

– Розы, ты напортачила.

– Знаю, только не понимаю, как именно.

Она уселась со мной рядом.

– Слышала же, у мужчин есть поговорка «Ночью все кошки серы»? Они так говорят и ухмыляются.

– Ну да. – Я не поняла, к чему она ведет.

– Я не знала, что это значит, и спросила у мамы. Все говорят, что ты, Розы, самая умная. Неужели до тебя не доходит?

Я призадумалась.

– По-твоему, Лисандр считал, что, несмотря на мою

неопытность, я должна была отличить своего Единственного и Неповторимого от мошенника-князя? – Я еще подумала. – Лисандр был оскорблен.

– Да.

– Ну я и дурища! Передаю тебе свою корону. Это ты – самая умная.

Она сунула палец в дырку на платье и очень мрачным тоном изрекла:

– Нянюшка станет на меня орать. Будет твердить, что мне двенадцать лет, и что мама вышла за папу в тринадцать, и что я должна перестать развлекаться.

Мне и самой доводилось выслушивать такие лекции. Их читали мне год за годом.

– С этим я разберусь, я ведь у тебя в долгу за объяснения. Нянюшке незачем что-то знать.

– Спасибо, Розалина. – София болтала ногами. – Ты до сих пор на всех злишься?

– Сестричка, я злюсь не на всех. Я злюсь на себя за то, что была такой легкомысленной, и... – мне вспомнилось, как Лисандр говорил о мужчинах, которые надо мной смеялись, – я... унижена.

– Почему?

– Мне придется выйти за подесту¹ Вероны, князя Эскала-младшего из дома Леонарди, поскольку он решил, что хочет жену и я отлично подойду на эту роль благодаря своим

¹ Подеста – глава города-государства в средневековой и ренессансной Италии.

организационным способностям, целомудренности и красивым tette².

– Это он так сказал? – даже София пришла в ужас.

– Смысл был именно такой. После того как... как он...

– Обесчестил тебя?

– Нет, он меня не обесчестил. Всего-то и было несколько поцелуев.

– Ой. Просто я сидела на дубе возле стены и слышала, как донна Луче и донна Пердита беседуют на улице. Они говорили, что он тебя обесчестил.

– Они всегда были кошмарными соседками. – Мне не хотелось этого знать, но спросить все равно пришлось: – Их это радовало?

– Ну да, вроде того. Они ухмылялись и хихикали. – На лице Софии появилась тревожная улыбка. – Знаешь этих мерзких червяков, которые опутывают деревья своими нитями и объедают листву?

Я подняла глаза к белым нитям на концах веток.

– Да. Садовник пытался их истребить, но потом сказал, что это настоящее нашествие и нам придется дожидаться зимы, чтобы расправиться с ними.

– Я швырнула в этих дам ветку, которая вся была в червяках и их нитках.

Отсмеявшись, я спросила:

– Они тебя видели?

² Грудям (*итал.*).

Сестренка с усмешкой покачала головой:

– Они завопили и сами стали извиваться не хуже червяков.

Я обняла ее.

– Я люблю тебя, и далеко не только за это.

– Но князя ты ведь не любишь?

– Нет. Совершенно! Не говоря даже о том, что Лисандр – мой единственный и неповторимый и я никогда не полюблю другого, вспомни разговоры об организационных способностях, целомудренности и красивом бюсте! Чокнуться можно, как романтично, да?

– Нет. – Может, София и настоящий сорванец, но про романтику все понимает правильно. Будучи дочерью Ромео и Джульетты, от этого никуда не деться.

– Вот и я так считаю. – Суть в том, что вчера под видом заключения помолвки речь шла о *сoup d'état*³. Или под видом разговоров о *сoup d'état* обсуждали помолвку, кто их поймет.

Сестра взяла меня за руку.

– Розы, что ты будешь делать?

– Выйду замуж, потому что даже такой недовольной деве, как я, придется впрячься в ярмо.

– Нет! – Она сжала мои пальцы. – Ты не обязана! Лучше останься тут, с нами. Мы можем всю жизнь быть одной семьей.

На этот раз я обняла ее двумя руками.

³ Государственном перевороте (*фр.*).

– Сестричка, мы в любом случае всегда будем одной семьей. Но хотя я по-прежнему целомудренна, – святые угодники, как же я успела возненавидеть это слово! – моя добродетель запятнана. Остается либо уйти в монастырь, либо выйти за того, кто меня обесчестил.

– Почему? – взвыла София. – Почему тебе нельзя остаться тут?

– Князь Эскал – человек неплохой. Не верю, что он станет бить меня, или запрет где-нибудь, или велит изменить поведение на более подходящее жене подесты. Он ведь был уже женат на княгине Кьяретте, относился к ней с большим почетом и ужасно горевал, когда она умерла родами и унесла с собой сына. Судя по всему, князь отлично знает, чего от меня ждать...

– Красивых tette, – ввернула сестра.

– Правильно. По этой причине, среди прочих, он хочет удостоить меня чести... стать его женой. – Я скатывалась в горечь и сарказм, хотя завела разговор совсем с другой целью. Сейчас моим долгом было внятно объяснить Софии, чем чреваты последствия ее искреннего предложения, поэтому я мысленно облачилась в одежды, приличествующие взрослой деве, и изрекла: – Если я не выйду замуж или не укроюсь со своим позором в монастыре, мы все, весь наш род, станем отщепенцами. Ты станешь изгоем общества. Ни одно семейство не позволит своему сыну взять тебя в жены.

– Наплевать мне на это.

Знаю, она действительно так думает... пока что.

– Это еще не все. – Я подняла палец. – Ни одно семейство не позволит своим сыновьям жениться на Катерине и Эмили. Чезарио останется без невесты, и благородный род Монтекки прервется. Нашим замужним сестрам запретят нас навещать. Мы зачахнем и перемрем в фамильном доме. Ну и не в последнюю очередь, милая моя София, надо заметить, что легенды и романсы о Ромео и Джульетте навсегда лишатся былого блеска.

Она сглотнула и кивнула коротко в знак понимания.

– Выходит, деваться некуда. Позволишь помочь тебе с приготовлениями к свадьбе?

– Мне совершенно необходимо, чтобы ты помогла мне с этими приготовлениями. Мы устроим празднество, достойное дома Монтекки.

София просияла.

– Так старине князю и надо!

Глава 3

Княжна Изабелла из дома Леонарди приглашает во вторник в восемь вечера Розалину из дома Монтекки, а также ее глубокоуважаемых родителей и возлюбленных сестер и брата для осмотра дворца и сада и просит оказать ей честь, разделив безыскусную семейную трапезу в честь предстоящей свадьбы девицы Розалины и князя Эскала из дома Леонарди.

Соблаговолите прислать ответ с этим же гонцом в течение часа.

– О небо, это обязательно?

– Может, там будет весело.

– Осматривать дворец? Вот уж вряд ли.

– Может, там будут картины, статуи и всякая прочая...

культура.

Угрюмое молчание.

– Все не так уж плохо. Нам ведь нравится княжна Изабелла.

– Я вообще люблю княжну Изабеллу. – Шестилетний Чезарио души не чаял в двенадцатилетней сестре князя Эскала. Разница в возрасте не казалась ему препятствием – как и наш отец, он был совершенно уверен в себе и своей способности убеждать.

– И еда нам нравится. – Тринадцатилетняя Катерина очень старалась видеть плюсы ситуации.

– Их дворец славится своей кухней. – Эмилии только что исполнилось восемь; она отличалась сметливостью и была настоящим кулинарным критиком.

– Придется демонстрировать наши самые лучшие манеры. – Софии это явно казалось наихудшим испытанием.

– Вторник уже завтра.

Снова угрюмое молчание.

– Прислать ответ в течение часа? Кто ж до такого додумался? – недоверчиво спросил папа.

– Предположительно, князь, – резонно ответила мама.

– Мы пропали. – Софии лучше всех удалось выразить всеобщее глубокое отчаяние.

Уныние сгустилось, окутало всю семью: моих родителей Ромео и Джульетту, младших сестер Катерину, Софию и Эмилию, пока не покинувших дом, и Чезарио. Чтобы зачитать приглашение, мама созвала всех за семейный стол в атриуме. Тут было прохладно: осень наступила рано, но мамина беременность вошла в ту фазу, которая заставляет мучиться приступами жара. Я жизнерадостно заговорила:

– Мне написать ответ и принять приглашение?

– Лучше я это сделаю сама. – Мама, держась за поясицу, осторожно поднялась со стула. Папа маячил у нее за спиной, но помочь не осмелился – фаза беременности также заставляла маму то и дело огрызаться. – В отличие от всех остальных

ных в этой семье, у меня есть такт.

Наша преданная нянюшка поспешила предложить ей руку. Мама приняла ее, и они удалились в библиотеку, провожаемые нашими взглядами.

– Что верно, то верно, – заметил папа. – Джульетта способна послать вас к черту на куличики в таких выражениях, что вы станете предвкушать путешествие.

– Тебе ли не знать, – улыбнулась ему Катерина, но он не улыбнулся в ответ.

– Да... когда она ждет ребенка, что-то заставляет неблагосклонно относиться к мужчинам в целом и ко мне в частности. Вероятно, это связано с потребностью то и дело вставать по ночам, чтобы справить малую нужду.

– Ты мог бы вставать вместе с ней, – предложила София.

– Пробовал. Она только злится еще сильнее. Шипит на меня, как змея, взбешенная в ночи светом факелов. – Величайший фехтовальщик Вероны выглядел по-настоящему напуганным.

Мама – одна из самых добрых и благородных дам на нашей грешной плоской земле. О том, что она еще и одна из прекраснейших, даже говорить незачем. Но грубые, неосмотрительные и любопытствующие персоны часто к своему ужасу обнаруживали, что она еще и одна из самых грозных женщин. Мне даже отчасти хотелось, чтобы князь Эскал переступил черту и познал это на своей шкуре; впрочем, мне хотелось также, чтобы он упал и вляпался физио-

номией в кучу ослиного навоза, а потому приходится признать, что, несмотря на почтенный возраст, я не успела окончательно повзрослеть.

– Прошу меня простить, дражайшая famiglia⁴, что я была такой идиоткой. – Полное впечатление, что я извинилась уже раз сто, а то и больше.

Эмилия задала вопрос, который явно волновал всех детей:

– Розы, а ты правда с ним...

– Нет! – одновременно ответили мы с папой.

– А почему нет? – Хотя сестренке всего восемь, благодаря звукам из родительской спальни и она, и все в нашей семье неплохо понимали суть человеческой природы. Во всяком случае, природы Ромео и Джульетты. Романтика и флирт приводят к страсти, от которой скрипят веревки, натянутые на каркас кровати, и вот уже мама не может удержать в себе съеденные на завтрак biscotti⁵ и на подходе новый младенец.

Папе было легко ответить на этот вопрос:

– Потому что мы их вовремя поймали.

Настоящая причина была несколько иной.

– Я поняла, что обнимаю не того господина, и пнула его волосатые причиндалы, – сообщила я.

Чезарио с папой вздрогнули и поморщились.

– Ты пнула князя! Молодчина! – София изобразила пол-

⁴ Семья (итал.).

⁵ Сухарики (итал.).

новесный удар ногой.

– Ты поставила его на колени? – Из всех девчонок нашей семьи Эмилию сильнее всех возмущал обычай подчиняться мужчинам, поэтому она становилась кровожадной, когда речь заходила о действиях, хоть чуть-чуть исправляющих этот перекося.

– Не совсем, но он так приятно засипел на выдохе! – Воспоминание об этом звуке до сих пор грело душу.

Тогда Эмилия перешла к сути вопроса:

– А какого господина ты ждала?

Я посмотрела на нее. Просто посмотрела.

У Эмилии имелись все задатки, чтобы стать вторым после меня наиболее здравомыслящим представителем клана Монтекки; сейчас она просто взорвалась от гнева:

– Ты собиралась встретиться с Лисандром? В саду? В темноте? Тебя же могли обесчестить! Похитить! Найти потом с ножом в груди! Вспомни герцога Стефано, твоего предыдущего жениха, которого зарезали в этом самом саду! – Зря она об этом напомнила, я и без нее прекрасно знала, где закололи герцога. – Розалина, о чем ты вообще думала?

В ответ я тоже взорвалась:

– О том, что семья Лисандра против нашей свадьбы, но он любит меня и попросил придумать, как нам пожениться, а кратчайший путь к венчанию, да будет тебе известно, лежит через постель!

– Через нее также лежит кратчайший путь в монастырь!

– Мой план должен был сработать!

– Но не сработал!

Тут мы с Эмилией сообразили, что мама вернулась из библиотеки и весьма неодобрительно глядит на нас. Вручив лакею лист бумаги со своей печатью, она мягко сказала:

– Пожалуйста, позаботься, чтобы письмо доставили княжне Изабелле. – А потом добавила еще мягче, обращаясь к членам семьи: – Хотя у всех Монтекки луженые глотки, юным девам не пристало говорить громко, и, – тут она возвысила собственный голос, – могу ли я надеяться, что хотя бы в ближайшие два месяца или до тех пор, пока я не произведу на свет этого благословенного младенца, мои дочери любезно проявят себя как получившие надлежащее воспитание барышни, вместо того чтобы позорить меня, ревя, будто две ослицы?

Мы с Эмилией мигом вскочили и присели в реверансе:

– Да, досточтимая матушка. Как прикажете, досточтимая матушка.

А мама продолжила:

– Завтра вечером мы покинем дом в семь часов. Перед этим прошу убедиться, что все чисто умыты и как следует одеты, и построиться в рядок, я всех проверю. Вы будете улыбаться. Будете демонстрировать хорошие манеры. Никакие отговорки не принимаются.

Она дождалась, чтобы все поднялись на ноги, поклонились, сделали реверансы и покаянно пробормотали:

– Да, досточтимая матушка. Как прикажете, досточтимая матушка.

Потом мама пригвоздила меня к месту грозным взором, обещающим страшное возмездие, если я посмею ослушаться.

– Мы отправимся поддержать нашу любимую Розу в преддверии будущего, которое она создала для себя собственными руками, а потому Роза не станет предаваться свойственной ей позорной жалости к себе.

– Это нечестно! – запротестовала я. – Князь Эскал признался, что подслушал, как мы с Лисандром планируем устроить свадьбу, задержал Лисандра, а сам вместо него...

– С позорной жалостью к себе, которая свойственна Розе, и с ее слезными жалобами на нечестность отныне покончено. Вы не забыли, что я всегда говорила вам, дети? – И она ткнула в нашу сторону указующим перстом.

Мы сжались от страха и процитировали:

– Справедливость и жизнь редко идут рука об руку.

Мамино внимание снова переключилось на меня:

– И что это значит?

– Что жизнь несправедлива. – Теперь я истово в это верила.

Мама удержала мой взгляд.

– Роза ни словом, ни делом не попытается сорвать свою помолвку с князем. Намеренной попыткой самостоятельно устроить свою жизнь она разозлила Судьбу и теперь вынуж-

дена столкнуться с последствиями, которые многие на ее месте почли бы за честь.

Хотя моему союзу с князем предстояло всего лишь стать коротким мостиком через неширокую социальную пропасть и ничего особо примечательного в нем не было, тем не менее невероятно удачливые купцы Монтеки и Капулетти нечасто вступали в браки с герцогами и князьями Вероны.

– Ты поняла меня, Розалина-Гортензия-Магдаена-Элеанора? – спросила мама требовательно.

Если она называла меня полным именем, это не сулило ничего хорошего.

– Да, досточтимая матушка, – ответила я с глубоким реверансом.

– Что я имею в виду?

– Что мне никогда больше нельзя тайно встречаться с Лисандром, – пролепетала я, – и я не должна говорить князю Эскалу ничего такого, что может отвратить его от меня.

– Мало того, тебе следует продемонстрировать князю, своему нареченному, ту милую сторону своего характера, которая так хорошо знакома нам, твоим близким.

Я понуро кивнула.

– Что? – рявкнула мама.

– Да, досточтимая матушка. Я все сделаю как ты велишь, досточтимая матушка. – Я не посмела вложить в свой тон ни малейшего намека на вызов и продемонстрировала глубоким реверансом абсолютное повиновение старшему по званию.

Но мамина выжидательная неподвижность говорила, что этого все еще недостаточно, и я добавила:

– Клянусь. – Ясно было, что именно это мне и следует сказать.

Мамин взгляд, острый, будто серп, скользил по нашим лицам, заставляя нас, детей, благоговейно трепетать, бояться и помалкивать. А потом Джульетта изрекла одновременно осуждающе и повелительно:

– Любовь даже ослов танцевать научит.

Молчание царило в комнате, пока она не удалилась в свою спальню. Нянюшка аккуратно прикрыла дверь за ними обеими.

– Розы, я не уверена, – проговорила София, – но вроде бы мама на тебя злится.

Все дружно закивали.

– Ну хоть не на меня, – жизнерадостно бросил папа и, пошвыстывая, тоже удалился.

До чего же здорово, что хоть кто-то чему-то радуется!

Благосклонный читатель, если вы вдруг не поняли... помимо всего прочего, в этой фразе скрывается еще и сарказм.

Только, пожалуйста, не говорите моей маме.

Глава 4

Итак, семья Монтекки собиралась во дворец на пресловутый ужин в тесном кругу. Такой формат предполагает романтический ореол, радостное возбуждение, музыку, угощение и вино.

Увы, все было не так.

Чуть раньше нянюшка помогла маме облачиться в скрывающее округлившийся живот просторное платье с завышенной талией. Как всегда, мама являла собой воплощение аристократичности, лоска и красоты, прямо-таки идеальная веронская мадонна.

Теперь она полулежала в моей спальне у меня на кровати, подсунув под плечи подушки и надзирала за тем, как нянюшка с женской прислугой помогают Катерине, Софии, Эмилиии и мне слой за слоём натягивать на себя сорочки, чулки, нижние юбки, корсажи и платья.

В смежной спальне вызвавшийся добровольцем папа вместе со своим камердинером запихивали Чезарио в парадный костюмчик.

Сестры ради меня старались бодриться и подшучивали насчет дворцовых ужинов, которые, согласно свежим слухам, никуда не годились. Девочки предлагали мне захватить ножны от подаренного нянюшкой кинжала и набить их хлебом, сыром и финиками.

И все же, как мрачно отметила Эмилия, ничего смешного в этом нет, а идея кажется очень хорошей.

Конечно, у каждой из нас к поясу крепился ножик для еды, и оставить их дома было так же невозможно, как выйти на улицу босиком. Гость, явившийся к трапезе без ножа, скорее всего, отправится домой голодным и беззащитным.

Меня нарядили в ненадеванное шелковое платье, состоящее из лифа и юбки. Его пошили для мамы еще до того, как она забеременела. Насыщенный бирюзовый цвет, пожалуй, был слишком смелым для наивной девы, но мама сказала, что я слишком взрослая для такой роли, и князь не станет ожидать, чтобы я ей соответствовала, поскольку человек он здравомыслящий. Я унаследовала от мамы яркую внешность и потому выглядела в этом платье как жемчужная розинка в бархате. За ночь наши швеи под руководством нянюшки удлинили подол (я переросла маму), надставили лиф (мои плечи и грудная клетка шире маминых), сшили усыпанную жемчугами шапочку в тон, чтобы прикрыть мои длинные темные волосы, и приделали к платью подходящие по цвету рукава с бисерной отделкой.

Я чувствовала себя призовой свиньей на торгах.

– Мыслимо ли ей не взять кинжал? – Нянюшка была серьезна. – Она впервые отправляется во дворец как нареченная князя, это важная роль в наши беспокойные времена, когда коварный враг способен затаиться в темном углу или другом укрытии.

Никто не стал скептически фыркать. Моя недавняя схватка с первой в Вероне серийной убийцей оставила шрам не только у меня на груди, но и в душе. Мы на собственном горьком опыте убедились, что женщина, как бы хорошо ее ни защищали, может столкнуться с опасностью там, где меньше всего ожидает.

– Да! – София пылала боевым задором.

– Но только не кинжал Лисандра, – предупредила мама. – И не твой, моя добрая нянюшка. Вот кинжал князя подойдет.

Когда опасность впервые подняла голову, нянюшка и Лисандр подарили мне по кинжалу, которые крепились к рукам под рукавами.

Князь Эскал тоже подарил мне кинжал, стилет, его следовало носить в ножнах на лодыжке.

Всем им я нашла достойное применение. А стилет князя мне однажды пришлось вонзить между ребер убийце и проткнуть ее сердце. Этот кинжал спас мою брENNую плоть, и по меньшей мере за это я была благодарна.

Нянюшка достала стилет из шкафчика, опустилась на колени и закрепила у меня на ноге потертый кожаный ремешок, а потом оправила льняную нижнюю и бархатную верхнюю юбки так, чтобы ничего не было заметно.

Уже одетые, мы, девочки, выстроились перед кроватью для маминого предварительного осмотра. Она прижала руки к сердцу:

– Мои прекрасные дочери!

Конечно, она была права. И никакой это не нарциссизм; если ты растешь, зная, что твои родители – самая красивая, романтическая и вызывающая во всем мире восхищение чета, следовательно, ты и сама прекрасна. У всех нас волосы цвета воронова крыла, разве что оттенки чуть-чуть отличаются, золотистая кожа и большие карие глаза, опущенные длинными ресницами. У нас с Катериной округлые формы, и у младших девочек, наверное, тоже будут роскошные фигуры. Поскольку меня окружали исключительно красотки, я не тратила время на самолюбование.

Но все же стоя здесь, в этом подобии шкатулки для драгоценностей, среди шелков и атласа, шитых золотом рукавов и мягких непальских шалей, мы знали, что хороши. Даже пугающе хороши.

Нянюшка помогла маме сесть прямо.

– Так, – скомандовала мама, – Эмилия, довольно в носу ковыряться! Катерина, выше подбородок! Никто не заметит прыщик у тебя на лбу.

– Как можно его не заметить? – огрызнулась Катерина. – Я с ним просто единорог какой-то!

Нянюшка взгляделась в прыщик и достала желтую мазь, которая должна уменьшать красноту.

– София, покажи руки. – Мама посмотрела на ногти сестренки и покачала головой. – Нянюшка, займись-ка ею с мылом и щеткой.

Пока няня тащила Софи прочь, та издавала протестующие вопли. А мама продолжала:

– Эмилия, вообще забудь, что у тебя есть нос. Розы, подойди. – Она протянула руку, я приблизилась и взяла ее ладонь. – Ты держишься настолько спокойно! Ты хорошо себя чувствуешь?

– Мама, если бы я думала, что это поможет, то ярилась бы и редела, но приходится признать правоту твоих вчерашних слов. Я и правда должна держать ответ за свои действия. – Истина заключалась в том, что мой мир распался на куски, а испепеляющий гнев сменился парализующим ужасом. – Я приняла собственную участь.

Катерина хмыкнула. Я посмотрела на нее.

– Так оно и есть. Я выйду замуж за подесту. Буду купаться в богатстве, носить великолепные наряды, устраивать празднества, вся Верона станет мне завидовать...

– Можно подумать, тебе есть дело до всей этой чепухи! – запротестовала Эмилия.

– Нет, но теперь моя жизнь станет такой. Пока я не знала Лисандра, то собиралась остаться здесь, в сердце семьи Монтеки, стать незамужней тетушкой при всех ваших детишках. А потом, как ни удивительно, познакомилась с Лисандром и посмела мечтать, что наконец-то встретила любовь, достойную отпрыска Ромео и Джульетты. А потом... – Я в отчаянии воздела руку и позволила ей безвольно упасть.

Катерина была той дочерью, которая всегда задавала вер-

ные вопросы.

– Князь Эскал объяснил, почему явился в сад вместо Лисандра?

– Он много чего порассказал. Он хочет жену, которая соответствует определенным требованиям. Похоже, несмотря на мой буйный нрав и недооцененную способность кричать достаточно громко, чтобы меня услышали, он все же уважает во мне мастера дипломатии. – Я имела в виду свою способность уклоняться от нежелательных помолвок... ну, кроме последней, когда потенциального жениха закололи без какого бы то ни было моего участия: это уже упомянутая серийная убийца расстаралась.

Честное слово, так все и было.

– Дипломатичность – отличное качество для жены подесты, – кивнула Катерина.

Я испепелила ее быстрым взглядом, но потом вспомнила о своем решении стоически сносить невзгоды.

– Он сказал, что в восторге от моей милейшей семьи.

– Эмилия, да хватит в носу ковырять! – скомандовала мама.

– У меня там чешется! – запротестовала Эмилия.

– Иди сюда, деточка. – Мама потянулась к лицу младшей дочери с льняным полотенцем. – Сморкайся.

Эмилия трубно высморкалась.

– Его ждет серьезный шок, – сказала мне Катерина. – Что еще?

– Он хочет, чтобы у княжны Изабеллы была старшая сестра, которая о ней заботится.

– Для этого у тебя все есть. – Катерина обычно старалась везде видеть светлую сторону, но сейчас горько добавила: – Но лучше бы ты осталась здесь и была старшей сестрой для нас.

Я обняла ее.

– Я всегда буду рядом, когда тебе это понадобится.

– Не кривляйся! – Нянюшкин голос донесся из умывальной, где она оттирала ногти Софии.

Мы быстро разомкнули объятия.

– По его словам, я доказала, что умело справляюсь с хозяйством. – Это чистая правда. Мама – великая женщина, но дела дома Монтекки вела катастрофически плохо, и я давно перехватила у нее бразды правления. – А поскольку я из плодовитого рода, то наверняка подарю ему сонм сильных сыновей, которые станут грести на его барке, и выводок очаровательных дочерей, чтобы снова и снова слушали батюшкины рассказы о былых триумфах.

Последнее было своего рода шуткой: за обеденным столом наш папа с большим удовольствием потчевал нас повторяющимися историями своей юности, пока мы не начинали хором требовать: «Хватит», хотя это никоим образом его не останавливало.

– Он ведь князь. Конечно, он хочет наследников, – буднично сказала мама.

– Он упомянул это, – заметила я. – Ему явно нейдет заполнить пустые гулкие коридоры замка оравой потомков.

– А-ах, – вздохнув в унисон, расчувствовались мама и Катерина, – до чего мило!

Я закрыла лицо руками. Мне известны мои светские обязанности, но переход от роли старой девы к роли матери народов я все же нахожу чересчур внезапным, резким и – учитывая супружеские обязанности, необходимые, чтобы сыграть эту роль, и человека, навязавшегося мне в мужа, – требующим слишком много усилий ради нескольких минут того, что предположительно следует считать удовольствием.

Кто-то подергал меня за руку. Я опустила взгляд и увидела расширившиеся глаза Эмилии.

– Гадость, – сказала она.

– Спасибо, Эмилия. Не могу с тобой не согласиться. – Я воззрилась на остальных. – Затем он упомянул, что я доверилась ему, чтобы он снял с меня обвинения в убийстве.

– Он и вправду это сделал, – заметила Катерина.

– При участии еще множества людей, – отрезала я. – Он сказал, что я его поддразнивала. Похоже, его просто на этом зациклило.

Мамино чувствительное сердце определенно екнуло.

– Так, никаких насмешек, никаких поддразниваний. После насильственной смерти отца, Эскала-старшего, и дорогой Элеаноры, которая ушла, едва только дав жизнь княжне Изабелле, князь Эскал лишился нормальной семьи.

– Он не такой, как мы, – подытожила Эмилия, и это не было комплиментом.

– Еще он что-то говорил о моей храбрости, – тут я соврала. – Вот и все.

Вернулась София. Свои исключительно чистые руки она держала на отлете, будто они принадлежат кому-то другому, кому-то, кто ей либо незнаком, либо неприятен.

Нянюшка, которая шла за ней по пятам, сразу взялась язвить:

– Вот и все? Неужели? А как насчет того, что он тебе подарил?

Эта женщина вынянчила и мою мать, и меня и присматривала за всеми детьми в семье. Она спала у меня в комнате, командовала всеми нами, а теперь вот вмешалась в разговор, когда мне меньше всего этого хотелось. Я зыркнула на нее, без слов выражая свое недовольство.

– Он не дарил мне ничего. – Именно этой версии я хотела придерживаться.

Но нянюшка по своему обыкновению просто проигнорировала этот жирный намек.

– После встречи с ним ты держала что-то в кулаке, а кулак прижимала к сердцу.

Мама и сестры заулыбались.

– Дай-ка я освежу твою девичью память, – сказала нянюшка. – Когда я спросила тебя об этом, ты сказала, что он дал тебе кое-что, над чем нужно подумать.

– La merda⁶, женщина, ты что, не можешь заткнуться? – выпалила я в раздражении.

– Не будь вульгарной, Розалина, – машинально велела мама.

Нянюшка сделала невинное лицо.

– Заткнуться, когда мне известна правда, было бы грехом умолчания.

Три мои сестры закружились выюнами, демонстрируя свою истинную сущность несносных маленьких проказниц.

– Что он дал тебе, Розе? Кольцо? Он подарил тебе поцелуй? Или свое сердце?

– Уж точно не сердце! – Признайся он в любви, я бы, пожалуйста, и не ответила на его чувство, но не злилась бы так сильно.

– Никакого кольца мы не видели, – сказала София, – значит...

Катерина и Эмилия принялись скандировать:

– О-о-о, это поцелуй. Это поцелуй. Это поцелуй. Это...

– Хватит, девочки, – проговорила мама твердо, но с улыбкой. – Мы должны дать Розе шанс сохранить свою тайну.

– Гм-м. – Как будто такое возможно в этом доме!

В комнату ввалился потный и измученный папа, подталкивая перед собой Чезарио. Томмазо, молодой лакей, недавно повышенный до должности папиного камердинера, держался позади, и вид у него тоже был измочаленный.

⁶ Дерьмо (итал.).

– Узрите же моего сына, превосходно одетого. А теперь я сам должен еще раз переодеться. Только смотрите, чтобы он не испачкался и ничего не порвал. Я быстро. – С этими словами папа выскочил из моей спальни и помчался по коридору в родительскую комнату. Верный Томмазо не отставал от него ни на шаг.

Чезарио, развеселый бесенок, улыбнулся и принял красивую позу.

– Княжна Изабелла увидит, какой я красивый, и полюбит сильнее прежнего.

– Да ты – прыщ на заднице человечества! – Выбирая между дипломатичностью и оскорблениями, Эмилия всегда останавливалась на втором варианте. – И княжна Изабелла это знает.

– Никакой я не прыщ! – Чезарио толкнул сестру. – Вот и нет!

– Вот и да! – Та толкнула его в ответ.

– Она так не думает! – Новый толчок.

– Думает-думает! – Эмилия всем телом врезалась в брата.

Нянюшка схватила обоих детей шкирки и растащила в разные стороны.

– Вы оба останетесь чистенькими и аккуратненькими, пока не доберетесь до дворца, или я лично простирну и проглажу вашу одежду прямо на вас.

Брат с сестрой вдруг обмякли так, что повалились на пол, и оставались там, пока не вернулся папа, облаченный в дру-

гой костюм.

– Подумать только, раньше, чтобы одеться, у меня уходил час, – недоумевал он.

– У детей есть неожиданное свойство совершенно менять приоритеты. – Мама положила руку на живот и полуприкрыла глаза. – Этот ребенок куда спокойнее Чезарио. Наверное, девочка.

– Нет, мама, это мальчик. – София произнесла это, будто изрекая общеизвестную истину. – Он похож на дедушку Монтекки и станет прославленным виноделом.

Все уставились на нее. У Софии имелась поразительная способность предсказывать будущее, которая никого не волновала бы, если бы сестренка ошибалась, но такого не случилось никогда.

Надо сменить тему, пока кто-нибудь не заговорил о колдовстве.

– Так вот, насчет предстоящего визита, – провозгласила я, старательно и неискренне изображая жизнерадостную уверенность. – Все наверняка будет вовсе не так плохо, как мы боимся.

Глава 5

– В центральном атриуме дворца есть экзотические деревья и другие растения из дальних стран, таких как Персия и Аксум. Вот это дерево, обычно называемое пальмирой, можно узнать по продолговатым свисающим листьям и грубой шершавой коре. – Князь Эскал указал семейству Монтекки своими длинными перстами на упомянутые листья, и мы в унисон кивнули, изо всех сил тараща глаза, чтобы нечаянно не задремать. – Говорят, далеко на востоке, в теплых краях Джамбудвы, они достигают гигантской высоты.

По большому счету его разглагольствования всего лишь доставляли нам мимолетный дискомфорт, но... это моя вина. Это я виновата в том, что моя нежно любимая семья скупает чуть ли не до зевоты. Причем все мы знали, что нам еще предстоит пережить множество мгновений такой вот мучительной скуки. Мгновения сложатся в часы, а часы – в годы...

Ведь это я помолвлена с князем Эскалом и вскоре за него выйду. Я обрекла себя и родных на бесконечное выслушивание пафосных речей о его экстравагантных увлечениях. Можно подумать, они кого-то интересуют!

Я испустила мрачный стон.

Князь Эскал прервался и вопросительно воззрился на меня. Мама и Катерина удостоили меня предостерегающими

взглядами. Чезарио пискнул:

– Розы, мама точно так же делает. У тебя что, животик болит, как у нее?

Я положила ладонь на живот:

– Господи Иисусе, нет!

Папа бросил быстрый взгляд на мою ладонь. Я опустила руку и выдавила фальшивую улыбку:

– Князь Эскал, будучи ученицей аптекаря, я восхищаюсь вашей увлеченностью садом. У вас так много садовников!

До этого я успела заметить с дюжину мужчин и женщин, полускрытых кустами. Они стояли на коленях и копали грунт совками или возились с растениями в горшках.

Князь Эскал оглянулся по сторонам.

– Сад дорог моему сердцу.

– Это очевидно.

– Как ученицу аптекаря вас, возможно, заинтересуют лекарственные травы? – Он сделал жест в сторону стены, отделяющей экзотические растения от привычных для наших широт.

– Нет, благодарю вас! – Боже сохрани от такой экскурсии! – Боюсь, мои родные не разделяют моего энтузиазма относительно составления травяных сборов. Поскольку у нас с вами впереди вся жизнь, чтобы наслаждаться этим замечательным садом, сейчас я надеюсь узнать побольше о произведениях искусства. – Конечно, отговорка вышла неважная, и мои брат с сестричками дружно закатили глаза, но подо-

зрения, будто я жду ребенка, всяко гораздо хуже.

Князь Эскал подошел, навис надо мной (я уже знала, что он умеет весьма успешно использовать этот прием) и заглянул мне в глаза.

– Я собирался рассказать вам вот об этом растении, которое цветет весной и известно в обиходе как рододендрон, но любое желание невесты для меня закон.

София за нашими спинами сделала вид, будто сует два пальца в рот. Мама отвесила ей легкий подзатыльник. Я улыбнулась.

Уголок рта князя Эскала приподнялся. Думаю, это была улыбка, но кто может точно знать такие вещи, когда дело касается настолько меланхоличного типа?

И в любом случае с чего бы ему улыбаться? Он же не видел всей этой пантомимы.

Слово «меланхоличный» подходило князю, как отлично сшитый костюм. Он никогда не был красавчиком и, помнится, в отрочестве, еще до всех битв, держался как важная персона, зная, что имеет на это право. Сын подесты, наследник правителя Вероны – такой образованный, такой блистательный, такой начальственный! Это сквозило в каждом его слове и движении. Даже будучи малявкой, я его чуралась. Но ему не было до того никакого дела, он не достаивал девочек своим вниманием.

Потом, одиннадцать лет назад, его жизнь разделилась на две части. Дом Аквасассо попытался хитростью, насилием

и обманом сделать подестой своего главу. Князь Эскал-старший, прославленный воин, подавил восстание, но впоследствии и сам был убит. Убийца так и не найден по сей день.

Князь Эскал-младший, которому тогда едва исполнилось тринадцать, пережил заключение и пытки. Он вырвался из застенков, принял управление городом и теперь стал действительно важной персоной, точь-в-точь таким, каким видел себя прежде. Однако страдания оставили свою отметину на его прежде непримечательном лице, причем князя это не красило. Хотя ныне ему было всего двадцать четыре года, он носил черное, черное и почти исключительно черное, лишь изредка добавляя к наряду что-нибудь темно-синее, болотно-зеленое или мрачно-коричневое. В его черных волосах до плеч появились седые пряди, смуглая кожа приобрела в подземелье сероватый оттенок, а на лице навсегда остались шрамы от ножа и каленого железа. Он чуть прихрамывал, потому что кости его правой ноги были переломаны металлическим прутом, но, несмотря на это, заслужил грозную репутацию отличного фехтовальщика. Правда, я никогда не видела, как он сражается.

Иными словами, князь Эскал был полной противоположностью моего Единственного и Неповторимого Лисандра из дома Маркетти.

Чезарио, которому пришлось терпеть слишком долго, не сдержался и выпалил:

– Князь Эскал, где княжна Изабелла? Я люблю княжну

Изабеллу. Я хочу ее видеть!

Князь озадаченно огляделся по сторонам.

– Не знаю. Я так понимаю, она должна была присоединиться к нам во время этой части экскурсии. Мне казалось, ее весьма интересуется мой сад.

Другими словами, княжна постаралась сбежать к черту на куличики, лишь бы не слоняться по саду.

– Наверняка двенадцатилетней девочке трудно организовать торжественный ужин. – Мама уже зарекомендовала себя как подобие приемной матери для сиротки княжны Изабеллы. – Возможно, мне следует предложить ей помощь.

– И мне! – сказала Катерина.

– И мне! – сказала София.

– И мне! – сказала Эмилия.

– И мне! – сказал Чезарио.

Папа положил руку ему на плечо.

– Сынок, мужчины не вмешиваются в женские дела.

– Это несправедливо! – запротестовал Чезарио. – Это ведь я о ней спросил!

– Княжна Изабелла на диво хорошо справляется с такими вещами, – заверил нас князь Эскал, – и не нуждается в помощи.

– Особенно если у гостей вкус отшибло, – уголком рта шепнула мне Катерина.

Чтобы не хихикнуть, я выпучила глаза. А князь продолжил:

– Если мы пройдем в эту дверь, то окажемся в парадной галерее.

Как и большинство богатых домов Вероны, дворец представлял собой территорию, полностью отгороженную высокими каменными стенами, которые не пускали внутрь непрошенных визитеров и защищали его обитателей. Немудрено, ведь среди веронских семей не утихала борьба за власть, к тому же в любой момент сюда могли явиться с захватническими целями войска какого-нибудь соседнего города-государства. Притом что стены дворца были самыми высокими и укрепленными, со специальными башнями для дозорных и лучников, внутреннее убранство говорило о богатстве с комфортом обитающей тут семьи. Я нигде не видела такого большого атриума, таких красивых балконов, лестниц и резных деревянных дверей, которые вели непосредственно в дом. Несмотря на унижение, недавно нанесенное мне князем, интерьеры дворца меня ужасно интересовали. Князь вел нас за собой.

– В большой галерее у нас выставлены произведения искусства, предназначенные для публичного показа.

– Вы позволяете людям приходить и смотреть на них? – Папа прекрасно знал, что это не так. После бунта князь ввел серьезные меры безопасности, и никто не мог попасть во дворец иначе как для приватной беседы с его хозяином. Такие встречи устраивали исключительно в специальном кабинете, который очень хорошо охранялся.

– Нет, – коротко, резко и прямолинейно бросил князь. – Лучшие художественные произведения находятся наверху, в спальнях, исключительно для услаждения взоров членов семьи. – Он обернулся и, вроде бы даже не приближаясь, снова навис надо мной. – Предвкушаю, когда смогу показать вам свою личную коллекцию, Розы.

Благосклонный читатель, что я должна была на это ответить? «Я тоже это предвкушаю»?

Хоть я и не самый проницательный человек на свете, тут даже мне стало понятно, что его личная коллекция не имеет никакого отношения к искусству.

Папа издал низкий раскатыстый рык.

Мама, благослови ее Боже, вмешалась. Она крепко сжала папин локоть и выдала учтивую отповедь:

– Как вам известно, князь Эскал, Ромео – один из самых прославленных фехтовальщиков Вероны...

– Самый прославленный, – вмешался Чезарио. Он знал эту легенду не хуже, чем все остальные, и хотя не уловил подтекста, но отлично уловил тон разговора.

Мама положила вторую руку Чезарио на макушку.

– ...и в случае, если кто-то раньше времени попытается устроить демонстрацию своих художеств, боюсь, мне не удержать возлюбленного супруга от его художеств, для которых ему потребуется снять и обнажить кое-что, висящее на стенных крюках.

Глава 6

Повисла продолжительная пауза.

Князь Эскал окинул взглядом всех Монтекки. Теперь мама сжимала отцовский локоть уже обеими руками. Лицо Катерины оставалось невозмутимым. София в открытую хихикала. Эмилия шепотом расшифровывала Чезарио мамыны высказывания (благодарный читатель помнит, что мой брат всего лишь шестилетка, к тому же мальчик, которому не дано постичь подобные тонкости).

Наконец взгляд князя остановился на мне. Я объяснила:

– Каждый в большой семье должен понимать, что его слова могут быть подслушаны и по-всякому перетолкованы другими ее членами. Так что лучше проявлять осмотрительность.

Князь вновь окинул взглядом всех Монтекки, и в голове у меня мелькнуло, что до него только сейчас в полной мере дошло: женясь на мне, он женится на всей моей семье. Я сочла необходимым добавить:

– Пожалуйста, учтите, что здесь сейчас нет еще двух моих сестер, которые столь же уверены в себе и прямолинейны.

Катерина подпортила впечатление от моих слов, заметив:

– Никто не столь же уверен в себе и прямолинейен, как ты, Роза.

Губы князя Эскала дернулись и скривились; в данном слу-

чае это стоило бы истолковать как проявление ужаса, хотя я больше склонялась к тому, что ему стало смешно. Сперва он поклонился моим родителям:

– Прошу прощения. Я с глубочайшим уважением отношусь к девственности вашей дочери.

Только я распознала в его словах выпад (простите этот фехтовальный термин). Князь подтрунивал над раздражением, которое вызывала у меня собственная добродетель, снискавшая мне известность среди черни Вероны.

Папа снова зарычал, уже не так угрожающе, а скорее предупреждающе:

– Будьте осмотрительны, милостивый государь. Монтечки преданы дому Леонарди, но в первую очередь я – отец. Я всегда со своим семейством в радости и благоденствии и неизменно выступаю вперед, если ему грозит опасность, чтобы оградить близких от зла.

София вдруг перестала хихикать. Остальные дети выпрямились и закивали с торжественной серьезностью.

– Я понимаю, синьор Монтечки. – Князь Эскал отвесил моим родителям более глубокий поклон. – И синьора Монтечки.

– Мы знаем свои роли в нашем мире, – мягко сказала я.

Князь посмотрел на младших детей, словно открыв для себя о них что-то новое, чуть склонил голову в их сторону и предложил мне руку:

– Сובлаговолите сопроводать меня, Розалина? Мы вме-

сте проведем вашу семью по парадной галерее.

Я одним пальчиком коснулась его обтянутой бархатом руки.

– Как прикажете, мой князь.

Эскал посмотрел на кончик моего пальца, затем заглянул мне в глаза, и стало ясно: он слишком многое понял. Но ничего не сказал и просто провел меня в массивные двери дворца, сделанные из древесины ореха и окованные бронзой. Едва мы подошли, два лакея в ливреях широко распахнули их, и князь, едва переступив порог, широким жестом обвел все вокруг.

Никто не вымолвил ни словечка, но не от скуки, как в саду, а потому, что этот дворец, этот дом, этот шедевр красоты сразу покорила нас своими великолепием и очарованием. Высокие потолки, деревянные полы, длинные ковры, статуи, картины в рамах, фрески, позолота, свечи, букеты цветов... насыщенные теплые цвета гобеленов с золотой нитью, бархатные портьеры.

Дивные цвета, казалось, оживляли каждый вдох, будто я стояла посреди заката, и впервые за много дней на мою униженную душу снизошло некоторое облегчение.

Мама нарушила молчание.

– Мой князь, кто все это устроил?

– Моя мать, княгиня Элеанора, – ответил князь Эскал.

– Я так и знала! – Мамины глаза заискрились радостью. – Когда Элеанора заходила в помещение, сам воздух вокруг

нее наполнялся сиянием.

– Вы знали мою матушку? – без всякого выражения спросил князь.

– Знала. Она была моей близкой подругой. Ее смерть лишила этот мир света. – Вид у мамы вдруг стал усталым, и она повисла на папиной руке. Тот немедленно заявил:

– Князь, моя дражайшая жена нуждается в отдыхе перед трапезой. Куда я могу ее отвести?

– Сюда, пожалуйста. – Эскал жестом показал на коридор, что начинался с правой стороны парадной галереи. – Если желаете, можете пока посмотреть работы, а я присоединюсь позже, чтобы дать необходимые пояснения.

Пока князь Эскал провожал моих родителей в тихую комнату неподалеку, я заметила многочисленных служанок, протиравших пыль, и парочку лакеев, суетившихся возле них и дававших советы. Слишком все это напоказ, подумалось мне, но меня пока не касалось, какие порядки заведены в замке князя. Заняться следовало младшими детьми, которые со страдальческим видом смотрели друг на друга и на меня.

– Тут красиво, – пробормотала Эмили, – но...

– Художества, – тихо застонала София.

Чезарио вовсе не был нытиком, но сейчас закапризничал:

– Это обязательно? Смотреть картины и статуи?

– Не переживай, князь «присоединится позже», – София передразнила покровительственный тон Эскала, – что-

бы дать необходимые пояснения.

Бесконечный осмотр произведений искусства грозил сокрушительной скукой, и без маминой дипломатии у нас не было никаких шансов от него отвертеться.

– Эй, – услышала я, – э-э-эй! Эмилия!

Мы разом обернулись. За тяжелой бархатной занавесью стояла княжна Изабелла, маня к себе самую младшую из моих сестер. Всего миг понадобился нам, чтобы понять: княжна предлагает избавление, и Эмилия метнулась к ней, тут же исчезнув в складках ткани.

Чезарио бросился следом, но Изабелла остановила его движением руки.

– Стой! Ты же мальчик. Брат сразу заметит, если тебя не будет. Тебе придется остаться почти до самого конца.

– Не-е-е-ет! – скис Чезарио.

Из-за портьер показалась голова Эмилии.

– Ты уродился самым младшим. Ты уродился мальчишкой. Тебе вечно достается все самое интересное. Ах ты беденький малыш! – И голова снова спряталась.

Княжна Изабелла послала ему воздушный поцелуй и исчезла следом за Эмилией.

Чезарио обвел взглядом Катерину, Софию и меня. Мы дружно кивнули.

– Она права, – сказала я братишке.

Он понурился и побрел ко мне, шаркая ногами.

Князь Эскал вновь ступил в парадную галерею и одним

движением перста разогнал слуг. Те словно растворились, а мои сестры рассыпались в разные стороны, якобы любуясь красотами замка; на самом деле этот маневр был затеян, чтобы отсутствие одной из нас не так бросалось в глаза. Я показала на вычурную мозаику, занимавшую часть стены, и постаралась, чтобы мой голос заполнил все вокруг:

– Ты прав, Чезарио, в этих ярких деталях и проработанной композиции действительно чувствуется мавританское влияние.

Князь присоединился к нам.

– Чезарио, ты распознал мавританское влияние?

Чезарио четко зафиксировал взгляд на подбородке князя и артистично солгал:

– Угу-у.

– А тебе известны две причины, ко которым Верона оказалась сильно подвержена этому влиянию?

– Не-а.

– Это случилось, потому что мавры захватили Сицилию и распространили там свою культуру, изящные искусства и архитектуру. А вторая причина какая, как ты думаешь?

Чезарио выглядел как мышка, свисающая из пасти отощавшего кота, но все же совершил отчаянную попытку, явно опираясь на материал, который внушал ему домашний учитель:

– Крестовые походы его святейшества папы римского?

– Совершенно верно! – Явно возрадовавшийся князь Эс-

кал обнял худенькие плечики Чезарио, который встревоженно посмотрел на меня. Князь повернулся к девочкам. – Идемте, я покажу вам... А где остальные дети?

К нам подошла Катерина и, глядя на него, широко раскрыла свои карие глаза с экзотично чуть приподнятыми уголками – совсем как у мамы.

– Дождаться не могу, когда вы покажете нам еще что-нибудь.

Князь попался на крючок. Кто бы сомневался.

София плелась сзади, пока хозяин замка вел нас по галерее, но, когда бы он ни обернулся, она вроде как разглядывала скульптуру или ткань. Князю, похоже, льстила ее приторная заинтересованность, а потом сестренка исчезла под шумок, который мы с Катериной создавали, засыпая Эскала вопросами. Когда тот не заметил ее пропажи, я кивнула Катерине и перебила экскурсию на полуслове:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.